

РЕЦЕНЗИИ

**История научной аттестации
в высших школах Российской империи***А. Ю. Андреев*

Для цитирования: Андреев А. Ю. История научной аттестации в высших школах Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 293–303. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.118>

В рецензии анализируется монография известного современного историка отечественной высшей школы А. Е. Иванова «Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века» (М., 2016). Монография посвящена складыванию в России системы ученых степеней, процедурам защиты диссертаций, а также тесно связанным с этим институтом подготовки молодых выпускников университетов и других высших учебных заведений к занятию в них профессорских кафедр. А. Е. Иванов подробно останавливается на особенностях существования ученых степеней в Московском университете XVIII в. — вне четкой нормативной базы, анализирует развитие законодательства об ученых степенях в Российской империи с начала XIX в. и вопросы их дальнейшего реформирования вплоть до 1917 г. К несомненным достоинствам книги следует отнести выделение автором периодизации в эволюции процедур «восхождения в профессора»: от общероссийских учреждений, финансируемых Министерством народного просвещения, таких как Профессорский институт при Дерптском университете, к новой системе «профессорских стипендиатов» в отдельных университетах, которая сложилась во второй половине XIX в. и доказала свою эффективность. Также важен анализ роли заграничных командировок для «профессорских стипендиатов». Автор приходит

Андрей Юрьевич Андреев — д-р ист. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36; andrejev-goetting@yandex.ru

Andrei Yu. Andreev — Doctor in History, Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University, korp. 4, 27, Lomonosovsky pr., Moscow, 119192, Russian Federation; leading researcher, Tomsk State University, 36, Lenin pr., Tomsk, 634050, Russian Federation; andrejev-goetting@yandex.ru

Статья написана в рамках проекта РНФ 18-18-00121/2018 “Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII — начало XX в.)”.

The article was written within the framework of the project RNF 18-18-00121/2018 “The collective biography of lecturers of Russian universities as the mirror of social history (second part of the 18th — the beginning of the 20th centuries)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

к выводу о значительном вкладе этих командировок в формирование профессорского корпуса в целом и в поддержание живой связи между российской и европейской наукой. Из замечаний подчеркнуто такое: в книге можно было бы более подробно осветить «европейский контекст» возникновения и развития российских ученых степеней, что позволило бы объяснить ту разницу в номенклатуре и самом понимании отдельных званий, которая сложилась в XIX в. и оказывает влияние на разницу российского и европейского понимания ученых степеней и в настоящее время.

Ключевые слова: Российская империя, высшая школа, университеты, ученые степени, профессура, аспирантура, командировки, диспут.

The history of Awarding Academic Degrees in Higher Education Institutions in the Russian Empire

A. Yu. Andreev

For citation: Andreev A. Yu. The history of Awarding Academic Degrees in Higher Education Institutions in the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 293–303. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.118> (In Russian)

The article reviews the monograph “Academic degrees in the Russian Empire. XVIII — the beginning of the XX century” (Moscow, 2016) by A. E. Ivanov, a well-known modern historian of the Russian higher education institutions. The monograph is devoted to the formation of a system of academic degrees and procedures for a thesis defense in Russia, as well as to the institution, closely connected with this system, aimed at training young graduates of universities and other higher education institutions for professorate. A. E. Ivanov focuses on the features of the existent academic degrees in Moscow University in the 18th century without a clear regulatory framework; analyzes the development of legislation on academic degrees in the Russian Empire since the beginning of the XIX century and the issues concerning their further reforming up to 1917. The undoubted merit of the book is the periodization in the evolution of procedures for “rising to a professor”: from all-Russian institutions funded by the Ministry of Public Education to a new system of “Professorial fellowship”, which was shaped in the second half of the 19th century and proved its effectiveness. The critical remarks of the review emphasize that it might have been worth shedding more light on “European context” for the emergence and development of Russian academic degrees, which would have enabled to explain the difference in the nomenclature and the very understanding of individual ranks formed in the nineteenth century, which affects the difference between the Russian and European understanding of academic degrees up to the present days.

Keywords: Russian empire, higher education institutions, universities, academic degrees, professorship, postgraduate study, scientific trips, dispute.

В 2016 г. в издательстве «Новый хронограф» вышла в свет монография известного российского историка, главного научного сотрудника Института российской истории РАН Анатолия Евгеньевича Иванова «Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы». Книга безусловно обратила на себя внимание в научной среде, а в 2017 г. за эту работу А. Е. Иванов был удостоен весьма почетной и престижной среди историков награды — премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) I степени на конкурсе работ, посвященных истории России.

Книга «Ученое достоинство в Российской империи» стала важной вехой в творчестве историка. Она естественным образом связана с основной тематикой его работ, посвященной университетам и другим высшим учебным заведениям Российской империи. Анатолий Евгеньевич Иванов — автор нескольких фундаментальных монографий, среди которых выделяется обобщающее исследование «Высшая школа России в конце XIX — начале XX века»¹, а также трилогия о российском студенчестве того же периода, его социально-исторической судьбе, политической самоорганизации, культурных традициях и быте². Труды А. Е. Иванова всегда отличались широтой охвата исторических источников, высокой культурой анализа, который вел к значимым выводам и обобщениям, сразу входившим в живую ткань исторической науки и поощрявшим других ученых к новым исследованиям. Если первые работы А. Е. Иванова больше концентрировались на вопросах правительственной политики в области высшей школы, а также взаимоотношениях государства и профессорской среды, то затем основной его темой надолго стало российское студенчество, которое автор воспринимал «коллективным провозвестником и интеллектуальным двигателем политической, социально-экономической, культурной модернизации по европейской модели российского общества, задавленного глыбой самодержавия»³.

В новой книге историк соединяет — и, на мой взгляд, чрезвычайно удачно — две основные темы своего творчества. Речь идет о том, каким образом в России возникает «ученость», «ученое достоинство», а значит, в центре внимания исследователя находится сам переход от студенчества к профессуре, от бурлящей жизнью и разнообразными увлечениями молодежной среды, готовой постичь науку, к спокойному, приносящему глубокую радость научному творчеству в стенах университета, которое открывает дорогу к преподаванию и подготовке новых поколений студентов.

Идея рецензируемой книги пришла к автору почти четверть века назад, когда в 1994 г. вышла его небольшая по объему, но чрезвычайно ценная с практической стороны монография «Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917»⁴. Она была посвящена возникновению и утверждению в России института ученых степеней и давала общий очерк его организации с точки зрения законодательства и практики присвоения степеней начиная с самого первого их упоминания в российских университетах. Отдельная глава монографии была посвящена «профессорским стипендиатам», появившимся в России в 1830–1940-х годах в так называемом Профессорском институте, по словам автора, «всероссийской аспирантуре» (этот термин за прошедшие годы уже вполне прижился в историографии).

Новая книга об «ученом достоинстве» в России гармонично развивает и продолжает эту работу А. Е. Иванова. Автору было необходимо учесть (что он с успехом и сделал) большой массив исследовательской литературы двух последних десятилетий по истории дореволюционных российских университетов. Также историк с большой степенью детализации останавливается на процессе подготовки профессорских кадров в XIX в., уделяет внимание различным стадиям этого процесса,

¹ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.

² Иванов А. Е.: 1) Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; 2) Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; 3) Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М., 2010.

³ Иванов А. Е. Мир российского студенчества... С. 5.

⁴ Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917. М., 1994.

пытается подробно изучить его результаты, степень эффективности для развития отечественной профессуры и университетов. В этом смысле «ученое достоинство», вынесенное в заглавие новой работы А. Е. Иванова — это не просто университетские ученые степени, присвоенные после какой-либо утвержденной законом процедуры (о чем речь шла в его книге 1994 г.), но это то новое, что сформировалось в русской культуре за первое столетие существования в ней высшего образования и чему ученые звания и профессорские должности были лишь формальным подтверждением. Поэтому совершенно не случайно в эпиграф книги были вынесены слова, сказанные в 1892 г. замечательным публицистом, профессором Петербургского и Новороссийского университетов В. И. Модестовым о том, что русские ученые добились наконец признания не только у себя на родине, но и за границей, — «равноправными с другими членами ученой республики... во всех областях науки», хотя еще «очень недалеко было то время, когда к словам “русский ученый” относились с сомнением или с иронией даже в самой России».

С точки зрения общей методологии, новая работа А. Е. Иванова сочетает в себе два основных подхода: институциональный и изучение истории академической повседневности. В рамках институционального подхода автором тщательно выясняется законодательная база существования ученых степеней и званий в Российской империи, юридически установленные градации степеней, каким образом развивалась формальная процедура их присвоения (правила для экзаменов на соискание ученой степени, проведение диспутов, публикации диссертаций и пр.). Не менее тщательно изучены автором и законодательные основы существования института «профессорских стипендиатов», причем как внутри университетской системы, так и вне нее, в технических и промышленных высших учебных заведениях или духовных академиях. В рамках же подходов по изучению повседневности А. Е. Иванов подробно останавливается на восприятии процесса «восхождения» от студентства к профессуре самими его участниками, показывает, с какими трудностями сталкивалось применение правил получения ученых степеней, как именно происходил выбор кандидатов в «профессорские стипендиаты», насколько интенсивно им приходилось работать над диссертацией, какие условия для этого создавались в отечественных университетах, где готовились стипендиаты, и во время их зарубежных командировок.

Одна из центральных задач автора, решаемых в монографии, — понять, почему российская система научной аттестации и присвоения ученых степеней отличается от европейской, несмотря на то, что само понятие об ученых степенях и градуировании было перенесено в Россию из Европы в ходе общего трансфера университетской идеи в XVIII — начале XIX в⁵. Причем, как отмечено в книге, различия между отечественными и зарубежными учеными степенями возникли еще в ходе развития университетов Российской империи, а уже затем (минув ряд метаморфоз раннесоветского времени) утвердились и в СССР, и в современной Российской Федерации. Таким образом, до сих пор бросающаяся в глаза разница между «российским доктором наук» и значением этой степени повсеместно за рубежом коренится в событиях далекого прошлого: тем интереснее разобраться

⁵ Обсуждению проблемы трансфера университетской идеи из Европы в Россию посвящена коллективная монография: Андреев А. Ю., Посохов С. И и др. Университет в Российской империи в XVIII — первой половины XIX века. М., 2012.

в причинах ее возникновения и тех практиках, которые способствовали утверждению в Российской империи специфической, характерной только для нее научной аттестации в высшей школе.

Решение задачи предусматривает восстановление исторического контекста трансфера системы научной аттестации в Россию в XVIII в. На это должна была быть нацелена первая глава книги, но анализ А. Е. Иванова больше сконцентрирован на чисто российских практиках градуирования в Московском университете (единственном, который пытался присуждать собственные ученые степени). Поэтому к изложению автора можно было бы добавить сравнительный анализ первых примеров появления ученых степеней в России и зарождения аналогичных степеней в европейских университетах.

Не углубляясь здесь в подобного рода анализ⁶, стоит выделить несколько особенностей, о которых в книге А. Е. Иванова, к сожалению, упоминается вскользь или вообще не говорится.

Во-первых, в средневековой Европе номенклатура ученых степеней, их иерархия, сами условия их присвоения складывались весьма постепенно, в процессе «творчества» автономных университетских корпораций. Первоначально не существовало никакого общего законодательства об ученых степенях, их упоминания в законах и привилегиях университетов появились позже и закрепляли уже существующие традиции, при этом подчас их не описывая, поскольку имели дело с «само собой разумеющимися» понятиями университетской жизни. Строго говоря, именно в получении ученой степени и заключался смысл полного университетского образования — такого, которое позволяло продолжить карьеру в составе одной из ученых корпораций Средних веков или Нового времени.

В России же, наоборот, в XVIII в. университет первоначально вовсе не определялся как полностью автономная корпорация, а был тесно увязан с государственным контролем и нуждами государственной службы. Соответственно и ученые степени должны были вноситься туда «сверху», исходя из потребностей государства в образованных людях. За утверждение ученых степеней в России законодательным путем, через императорские указы в середине XVIII в. активно боролся М. В. Ломоносов⁷. Однако здесь немаловажной оказалась позиция государственной бюрократии, связанная с тем, что ученые степени необходимо было встраивать в Табель о рангах, фактически образовывая самостоятельную «лестницу ученых чинов», отличную от уже существовавших иерархий для военной, статской или придворной служб. Это открывало для молодых людей, выбирающих ученую карьеру, путь к быстрому продвижению вперед по рангам, в зависимости от своих способностей, но одновременно вызывало противодействие в чиновничьем аппарате. Четко это выразил И. И. Шувалов: Россия еще не доросла до такой «вольности» и на государственной лестнице «для ученых степеней нет места»⁸.

В течение всего XVIII в. ученые степени и практики научной аттестации оставались законодательно не утвержденными. По справедливому замечанию А. Е. Иванова, «присуждение ученых степеней не регламентировалось специальными законодательно-нормативными предписаниями, а потому во многом носило

⁶ Подробнее см.: Там же. С. 338–356.

⁷ Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 25.

⁸ Там же. С. 26.

бессистемный характер — спонтанный, нередко определяемый усмотрением начальства, текущими потребностями профессорско-преподавательской коллегии»⁹. Это суждение автора, однако, вовсе нельзя воспринимать в негативном смысле. Напротив, оно означает, что, несмотря на отсутствие во многом полной университетской автономии в XVIII в. в Московском университете, который тем не менее представлял собой вполне развитую университетскую корпорацию, в нем срабатывали те же механизмы, что и в Европе, т.е. ученые степени возникали внутри университета «творчески», исходя из возможностей текущего момента, с активным участием профессоров (но также и кураторов как поставленных государством «начальников» над университетом).

Во-вторых, отметим сходство и разницу в номенклатуре ученых степеней в Московском университете XVIII в. в сравнении с европейской практикой. А.Е. Иванов пишет: «На скудную почву молодой отечественной науки постепенно пересаживались принципы научно-аттестационного опыта старейших университетов Европы»¹⁰. И это справедливо для европейских университетов, если подчеркнуть здесь слово «старейшие», поскольку именно они обладали наиболее развернутой системой ученых степеней, которая, как показывает автор книги, к концу XVIII в. была полностью воспроизведена в Московском университете: от первых попыток присвоения степени доктора (и соответственно защиты диссертации для получения профессуры) до младших степеней бакалавра и кандидата, которые удостоверяли успешную сдачу университетских экзаменов.

Однако именно в XVIII в. в европейском ученом пространстве активно проходит так называемая «модернизация», меняющая многие стороны внутренней организации университетов. То есть фактически тот опыт, те европейские университетские реалии научной аттестации, о «пересаживании» которых пишет А.Е. Иванов, в XVIII в. (особенно ближе к его концу) находились в состоянии изменения. Источником университетской «модернизации» явилось прямое вмешательство государства в дела университета. Наиболее ярко это проявилось в Австрийской монархии, где в результате «наведения порядка в университетах» путем реформы сверху к концу XVIII в. из всего многообразия ученых степеней была оставлена только одна — докторская, причем государством же были установлены единые права и порядок ее получения через сдачу экзамена и защиту диссертации¹¹. Те же процессы происходили и в «модернизированных» университетах Центральной и Северной Германии, в частности, с 1810-х годов степень доктора наук, присуждаемая по всем факультетам, была признана единственной в качестве итоговой научной аттестации в Берлинском университете, основание которого (подготовленное прусскими реформаторами образования) затем активно влияло на развитие в Германии так называемой «классической» университетской модели.

Таким образом, к началу XIX в. по всей Европе в результате «модернизации» университетов, которую проводили различные государства, система ученых степеней сокращалась, ужимаясь до единственного звания «доктора наук», а в России, напротив, была законодательно утверждена целая лестница ученых степеней, названия которых отсылали к средневековым образцам.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 23–24.

¹¹ Андреев А. Ю., Посохов С. И. и др. Университет в Российской империи... С. 334.

В связи с этим, *в-третьих*, позволим себе замечание, касающееся европейского контекста, которым можно было бы дополнить приведенные в рецензируемой книге рассуждения о возникновении ученых степеней в России. А. Е. Иванов совершенно верно выделяет значение, какое имела для введения ученых степеней университетская реформа, приведенная в действие императором Александром I¹². В нее входили высочайше утвержденные в 1803–1804 гг. уставы университетов российской империи, а также «Предварительные правила народного просвещения», принятые Указом от 24 января 1803 г. Именно эти документы вводили трехступенчатую систему ученых степеней «кандидат — магистр — доктор», которая заложила основы иерархической научной аттестации в XIX в. С 1819 г. к ним добавилась своеобразная степень «действительного студента» для выпускников, не получавших степени кандидата, а с 1884 г. в связи с тем, что присвоение такой степени было связано исключительно с результатами учебы, она была переименована в университетский «диплом II степени», тогда как степень кандидата превратилась в «диплом I степени»¹³.

Одна из основных причин, по которым александровская реформа сохраняла иерархию ученых степеней (по сути заимствованную из средневекового устройства университетов, а также из практики Московского университета XVIII в.), заключалась в том, что реформой наконец решался вопрос о «табельном» статусе российских ученых степеней. Так, степень кандидата была отнесена к 12-му классу, магистра — к 9-му классу, а доктора — к 8-му классу по Табели о рангах. Это было логично, поскольку в «табельно-должностном» смысле степень доктора была приравнена к званию профессора, а степень магистра — к званию адъюнкта (младшего университетского преподавателя), и, таким образом, последовательное восхождение по ученым степеням в российском университете соответствовало возвышению молодых выпускников по лестнице преподавательских должностей¹⁴. Как видим, тем самым проблема Табели о рангах для ученых, имевшая в XVIII в. несомненную остроту, была решена реформой 1803–1804 гг. Но у этого достижения была и обратная сторона. Поскольку ученая степень теперь была приравнена к чину, возникал соблазн сравнительного «легкого» приобретения чинов для людей, которые вовсе не собирались делать ученую карьеру. А в той степени, в какой присвоение степеней становилось собственным делом «автономных» (согласно уставам) российских университетов, в той же степени оно могло стать и предметом злоупотреблений. Последняя проблема стояла тем более остро, что российские университеты в начале XIX в. в значительной мере оказались заполнены иностранными профессорами, которые охотно переезжали сюда из Европы, волнуемой Наполеоновскими войнами.

К сожалению, в работе А. Е. Иванова не обращено специальное внимание на многочисленные конфликтные ситуации, которыми сопровождалось присвоение ученых степеней в университетах в первые десятилетия XIX в. вне какой-либо четкой нормативной процедуры¹⁵, в книге упомянут лишь самый громкий конфликт —

¹² Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 61–62.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Андреев А. Ю. Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62). С. 62–89.

так называемая «дерптская афера» 1816 г., приведшая к остановке производств в ученые степени на несколько лет по всей империи¹⁶. Корни подобных конфликтов лежали в разнице между тем пониманием института ученых степеней, которое иностранные профессора привозили из Европы, и тем, которое вкладывалось в него российскими законодательными документами. В европейских университетах (до их «модернизации») выдача ученых степеней являлась собственным делом корпорации и приносила, помимо прочего, существенный доход, так как включала в себя немалые корпоративные взносы от будущих докторов (аналогично любой средневековой цеховой процедуре). Постепенно, к XVII в. практика таких взносов превратилась уже в практически легальную «торговлю» учеными дипломами, что было предметом постоянной критики и насмешек со стороны неуниверситетских людей и студентов¹⁷. Тем не менее представление о том, что привилегия на выдачу ученых степеней — один из способов для университета повысить благосостояние его членов, крепко укоренилось и, по-видимому, разделялось многими из тех иностранцев, которые приезжали на службу в Россию.

В Российской же империи такая практика представляла собой обыкновенную коррупцию, возможность которой активно подхватывалась верхушкой общества, испытывавшей «нужду» в ускоренном чинопроизводстве. Представители российского государства, чиновники Министерства народного просвещения, понимали: поскольку университет де-факто теперь мог присваивать чины по Табели о рангах, данный процесс нельзя оставлять бесконтрольным, т. е. ученые степени в российском понимании сразу же, с момента их утверждения в законодательстве, оказывались не корпоративным, а государственным делом. Именно с этим связано ужесточение законодательства и введение в 1819 г. первого единого «Положения о производстве в ученые степени», которому должны были следовать в каждом российском университете (что формально нарушало их автономию, но прекрасно вписывалось в логику государственного курса в области высшего образования).

Таким же, чисто государственным образом, появились в России и дополнительные системы ученых степеней, отличавшиеся от общих. А. Е. Иванов подробно останавливается на появлении своеобразной номенклатуры и иерархии степеней, выдаваемых на медицинских факультетах университетов и в Медико-хирургических академиях, показывая, что их особенности формировались сверху, были закреплены «Правилами испытания медицинских чиновников» 1838 и 1845 гг. и определялись специфическими потребностями медицинской аттестации¹⁸. Точно так же богословские ученые степени были вынесены в отдельную «лестницу» с принятием особого Устава духовных академий 1814 г. и скорректированы в 1869 г. Таким образом, хотя в российских университетах XIX в. и отсутствовало теологическое образование, учащиеся духовных академий могли подвергаться научной аттестации, исходя из нужд самих академий в формировании квалифицированного преподавательского корпуса¹⁹. Важно подчеркнуть, что эти богословские ученые степени уже не имели соответствий в Табели о рангах.

¹⁶ Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 111–113.

¹⁷ Андреев А. Ю., Посохов С. И. и др. Университет в Российской империи... С. 331.

¹⁸ Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 72–77.

¹⁹ Там же. С. 78.

Кратко остановимся теперь на центральных главах книги, в которых А. Е. Иванов показывает, как формировались институты подготовки к получению ученых степеней и в последующем профессуры в российских университетах. Для первой половины XIX в. в центре внимания автора — Профессорский институт в Дерпте, а также ряд сходных образовательных программ, организованных Министерством народного просвещения в Петербурге. Во второй половине XIX в. речь идет уже о складывании полноценного внутриуниверситетского механизма «подготовки к профессуре» (аналога будущей аспирантуры), важнейшим этапом которой служит защита магистерских и докторских диссертаций. Однако и для первого механизма (централизованной подготовки профессоров в министерских учреждениях), и для второго (взрачивания профессорской смены внутри университета) выделен важнейший этап, без которого предполагалось невозможным полноценное завершение научной работы квалификационным сочинением молодого преподавателя. Речь идет о заграничных командировках в один или несколько европейских университетов (как правило, немецких), в признанные центры науки, где будущий ученый приобщался к современным методикам, имел возможность работать в лабораториях или посещать научные семинары, которые вели крупнейшие профессора мировой величины. По сути, таким образом создавалось единство российской и мировой науки, о чем неоднократно писали и современники, и исследователи отдельных учреждений. Так, Профессорский институт при Дерптском университете признавался «первой ступенью заграничной стажировки наиболее отличившихся студентов русских университетов», а после возвращения многие стипендиаты собственным самостоятельным трудом формировали в России целые отрасли тех наук, которыми они овладевали во время стажировок, например, «науки законоведения»²⁰. Особенно выделяет А. Е. Иванов проект министра народного просвещения А. В. Головнина, который в начале 1860-х годов добился отправки за границу 111 стипендиатов в ведущие центры европейской науки, в значительном своем числе они подготовили там свои диссертации и затем «вливались в профессорско-преподавательский корпус реформируемой высшей школы, существенно укрепляя его»²¹.

В качестве другого важного института при «восхождении к профессуре» А. Е. Иванов выделяет приват-доцентуру, которой в его работе отведено существенное место. Комплексные исследования этого института — как в масштабах одного отдельно взятого университета, так и для Российской империи в целом — пока еще отсутствуют в современной историографии²². Становясь приват-доцентами (а этот институт был внедрен во все российские университеты Уставом 1863 г.), молодые ученые с формальной стороны не являлись членами преподавательской корпорации, но могли не только читать лекции, но и пользоваться лабораториями и библиотеками университетов, а также консультациями ведущих профессоров и продолжали работать над магистерскими и докторскими диссертациями, открывавшими

²⁰ Там же. С. 167, 205.

²¹ Там же. С. 246–269.

²² См., впрочем, обсуждение проблем развития приват-доцентуры в университетах Российской империи середины XIX в.: *Пискунов И. В.*: 1) Проблемы развития российской приват-доцентуры в дискуссии по университетскому вопросу 60-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 1. С. 29–42; 2) Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. 2015. № 1. С. 243–260.

путь к полноценной профессуре. Их вклад в университетское преподавание был весьма весомым, компенсируя, хотя и не в полной мере, «нехватку докторов наук для штатного замещения всех профессорских должностей», что оставалось хронической проблемой российских университетов вплоть до начала XX в. А. Е. Ивановым подчеркивается вопрос, который активно обсуждался в самих университетах: отвлекает ли активное преподавание молодых приват-доцентов от работы над их диссертациями, или, напротив, их включенность в учебную жизнь университета способствует и научной работе, и будущей карьере профессора²³.

Наконец, отметим еще одну интересную черту, представляющую собой несомненное достоинство книги А. Е. Иванова, — рассмотрение получения ученой степени и защиты диссертации не просто как научного достижения, но и как своеобразного корпоративного ритуала с особенностями, характерными именно для России. Автор подчеркивает значение публичного диспута при защите диссертации, который «превратился в заметное явление культурно-общественной жизни университетских городов» и проходил «при большом стечении любителей науки», причем публика вела себя отнюдь не беспристрастно, как правило, симпатизируя диспутанту, и «далеко не всегда объективно»²⁴. Диспут предусматривал и на деле создавал острую научную дискуссию, но одновременно всегда следовал четким ритуализированным нормам, которые «действовали как бы в режиме естественного академического права, поскольку не были обобщены в специальном статуте»²⁵. К таким нормам относились, например, две трибуны-кафедры: за одной стоял диссертант, не покидая ее в течение всей дискуссии, за другой — его оппоненты, которые не занимались восхвалением работы, а сразу же должны были переходить к критике, иногда довольно едкой и всегда красноречивой. Финалом становилось совещание членов факультета, выносивших свой вердикт о присуждении степени открытым голосованием²⁶. Окончательно развернутая процедура здесь сложилась к 60-м годам XIX в., оставаясь затем неизменной. Можно сказать, что в эпоху, наступившую после Великих реформ, для зрителей, наполнявших университетские залы, диспуты были отчасти сродни публичным судебным процессам и вызывали не меньший интерес и не меньшее «сопереживание».

Итак, выход рецензируемой книги безусловно служит важным этапом в современной историографии по истории отечественной высшей школы. Автору удалось обобщить крупную научную проблему — «восхождение к профессуре», институциональное становление «учености» в российских университетах, которое было исследовано как на формальном уровне, так и через практики повседневной академической жизни. Многое из опыта дореволюционных университетов в отношении организации самого процесса подготовки к профессуре, написания диссертаций, взаимодействия молодых ученых с мировой наукой, значения публичных процедур при защите и пр., остается вполне актуальным и для нынешней университетской жизни. Больше того, вчитываясь в исследование А. Е. Иванова, можно найти ответы на многие вопросы, которые до сих пор волнуют академическую среду в связи

²³ Иванов А. Е. Ученое достоинство... С. 390.

²⁴ Там же. С. 465–467.

²⁵ Там же. С. 484.

²⁶ Там же. С. 485–489.

с проведением очередных реформ и поисков самоидентификации российской науки в государстве и обществе.

References

- Andreev A. Yu. Vozniknovenie sistemy rossiiskikh uchenykh stepenei v nachale XIX v. *Vestnik of St. Tikhon's Orthodox University*. Ser. 2. History, History of the Russian Orthodox Church, 2015, iss. 1 (62), pp. 62–89. (In Russian)
- Andreev A. Yu., Posohov S. I. i dr. *Universitet v Rossiiskoi imperii v XVIII — pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, ROSSPEN, 2012, 671 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Mir rossiiskogo studenchestva. Konets XIX — nachalo XX veka*. Moscow, Novyi hronograf, 2010, 360 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Studencheskaia korporatsiia Rossii kontsa XIX — nachala XX veka: opyt kulturnoi i politicheskoi samoorganizatsii*. Moscow, Novyi hronograf, 2004, 408 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX — nachala XIX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba*. Moscow, ROSSPEN, 1999, 414 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiiskoi imperii. XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Novyi hronograf, 2016, 656 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii. XVIII v. — 1917 g.* Moscow, Institut of Russian History RAS, 1994, 199 p. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka*. Moscow, Nauka, 1991, 392 p. (In Russian)
- Piskunov I. V. Kak stat' rossiiskim privat-dotsentom. *Dialog so vremenem*, 2015, iss. 1, pp. 243–260. (In Russian)
- Piskunov I. V. Problemy razvitiia rossiiskoi privat-dotsentury v diskussii po universitetskemu voprosu 60-h godov XIX v. *Vestnik of Moscow State University*. Ser. 8. History, 2015, iss. 1, pp. 29–42. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: June 22, 2018

Accepted: November 30, 2018